

ЛИРИКА И ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

П.И. Симуш

ФИЛОЛОГИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА: КАКИМИ КАТЕГОРИЯМИ БУДУЩЕГО МЫСЛИТ?

Аннотация. Автор пытается дать развернутый анализ творчества великого поэта Б.Л. Пастернака. Он обращается не только к поэзии, но и рассмотрению романа «Доктор Живаго». Замысел статьи состоит в том, что раскрыть особенности поэтической речи Б.Л. Пастернака, показать поразительную тонкость в выборе лексических средств. И вместе с тем через феноменологию слова автор статьи стремится выявить философский, метафизический смысл наследия Пастернака. Божественный и философский голоса дают филологии возможность рассматривать реальность в ее многомерности, в имманентном и трансцендентном измерении.

В анализе творчества Л.Б. Пастернака автор обратился к историческому методу, который позволил воссоздать характерные приметы времени, когда творил поэт. Использован также феноменологический метод, дающий возможность показать, какими категориями мыслит пророческий дар поэта.

Новизна подхода состоит в том, чтобы показать связь поэзии Б.Л. Пастернака с культурой, ее запросами и интеллектуальными ресурсами. Показана автономность и независимость позиции поэта, который не считал, что поэт обязан обслуживать указания власти и косность общественного мнения. В эпоху, которая творила кумиров, поэт написал бессмертные строчки: «Быть знаменитым некрасиво».

Ключевые слова: филология, интеграл жизненного мира, плодотворность бытия, абсолютное начало культуры, душевно-духовная середина, нравственная революция, бессмертие, многосмысленная точность, благовещизм, греховещизм.

Филологическая нить Ариадны

Выбор при трагическом существовании предстояло сделать мифологическому Тезею и российскому народу в XX веке. Царизм ввёл его в войны, а народ искал освобождения в революции, к которой приобщился ряд творческих деятелей Серебряного века. В их числе и Борис Леонидович Пастернак.

Семидесятилетний путь Б.Л. Пастернака (1890–1960) являет собой самобытный жизненный мир. Он преодолевал трагически трудное время, чтобы «найти и сказать правду». Она предстала истиной Христа. В конце жизни пришло признание: «По слепой игре судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое

лучшее в нас, — художник, оказался в моём случае незатёртым и нерастоптанным»¹.

Отличительным качеством является его разносторонняя одарённость, которую он считал общехудожественным свойством своего поколения. Одарённые свыше творцы культуры противостояли консервативной власти КПСС. Она не смогла затереть и растоптать великих художников, от которых последняя потерпела духовное поражение. Триумф творчества Б.Л. Пастернака над догматизмом, заидеологизированностью, пошлостью и сегодня звучит как симфония надежды, как приговор воинствующему атеизму и антисемитизму. Однако

¹ Мир Пастернака. М.: Советский художник, 1989. С. 5.

Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 13-03-00041 «Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего».

атеисты и антисемиты ещё живут, до сих пор не понимая существенных вещей. Борису Пастернаку же удаётся «найти целесообразность в искусственно придуманной и бесчеловечно осуществляемой человеческой трагедии»². Нитью Ариадны стал гуманистический синтез, названный Пастернаком «многозначной точностью».

Нормально править балом гражданственности и духовности могли бы гениальные А. Ахматова, Б. Пастернак, А. Сахаров, А. Солженицын, но правящая номенклатура исключила такую возможность. Реальностью 20–80-х годов XX века было всевластие идеологии, отрицавшей библейскую мудрость. Даже главный идеолог КПСС М.А. Суслов мог увлечённо цитировать Сергея Есенина только в семейном кругу (об этом рассказывал его сын Револь Суслов). О «власти» поэтов Серебряного века следует напоминать для того, чтобы готовить публику к новому тезису осмысления — ведущей нитью национального самосознания становится филология Св. Писания и классиков русской литературы. Филологам не возбраняется проповедь живого исторического христианства. Они могут «говорить о годах, обстоятельствах и судьбах, охваченных рамкой революции»³. Вне рамок находится Логос, или Слово, речь. Библия толкует Слово как по-настоящему действенное проявление жизни; именно ему подчинены артикулируемые дела.

Б. Пастернак понимал Библию как «записную тетрадь человечества», как историю культуры, ибо «всё вековечное... жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие от него века. Я понял, что история культуры есть цепь уравнений в образах, попарно связывающих очередное неизвестное с известным, причём этим постоянным известным для всего ряда является легенда, заложенная в основание традиции, неизвестным же, каждый раз новым, — актуальный момент текущей культуры». Таким моментом было и остаётся узнавание «революции, самого небывалого и неуловимого». Однако самая небывалая в истории великая революция 1917 года оказалась «уловимой» для теперешних законодателей, выбросивших из красных дат календаря РФ слово «револю-

ция». Борис Пастернак будто говорит в их адрес: так поступать «не только бессмысленно и бесцельно», но и «низко и бессовестно». Б.Л. Пастернак видел в российской революции главное событие XX века, которое экспериментально проверяло все социальные теории и высказалось в пользу российской полноконфессиональности.

В отличие от текущей повседневности, вечная культура включает большие потери, которых много и в революции. «Терять в жизни более необходимо, чем приобретать, — писал Пастернак. — Зерно не даст всхода, если не умрёт. Надо жить не уставая, смотреть вперёд и питаться живыми запасами, которые совместно с памятью вырабатывает забвение». Библейская глубина жизненного трагизма помогла реалисту Б.Л. Пастернаку понять пролетарские крайности и принять реализм. Так Маяковский, явившись законченным выражением романтического мировосприятия, был для Пастернака объектом не только восхищения, но и неприятия. В противопоставлении романтизма и реализма заключён лишь один из моментов его эстетики. Главное же в ней — синтез научных и религиозных, философских и реальных элементов. Этим философским интегралом «многозначной точности» Б.Л. Пастернак совершил революционный прорыв идеологической догматики правящего режима, который камуфлировал пошлостью исконные основы бытия.

В теоретической статье «Несколько положений» (1918) автор отрицает необходимость потворства художника вкусам и групповым интересам общества. В пику этому Пастернак говорит о праве самой жизни учить человека строить духовную вселенную. Художнику необходимо сохранить верность только ей. Создавая роман как сгусток собственной совести, писатель своей властью стремился «не исказить голоса жизни», который звучал в народе. Следуя примеру Творца, Б. Пастернак на опыте доказывал, «что можно ощутить трагическую радость существования». Суть этой радости была в грядущей победе творческой филологии над догматической амбициозностью коммунистической идеологии. Выбор Пастернака был поистине революционным и смелым. По примеру собственному и любимой им Марины Цветаевой он растил деятельную душу, «решительную, воинственную, неукротимую». Но что мешало это делать вождям КПСС? Их воинствующий атеизм, который не слышал всемогущее слово Бога-Творца⁴. Материали-

² Письмо А.А. Асмусу // Пастернак Борис. Доктор Живаго. Роман. Повести. Фрагменты прозы. М.: Советский писатель, 1989. С. 706.

³ Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 468.

⁴ Бытие 1:3; Псалтырь 32:6.

сты не слышали также живую человеческую речь властителей дум в лице поэтов Серебряного века. Именно их пророческое слово, а не лидеров партий, объективно отражало мысли и волю говорящего народа и тем самым превращало слова в то, что находилось вне говорящих.

По примеру учеников и апостолов Иисуса русский еврей — россиянин Борис Пастернак превосходно исполнил роль «служителя Слова»⁵. Он нашёл в филологии нить Ариадны, которая есть созидательное и действенное Слово Христа.

«Жизнь ведь тоже только миг»

«Чудо самопожертвования» совершил М.Ю. Лермонтов, которому посвящён поэтический цикл Пастернака «Сестра моя — жизнь». Из осознания ответственности поэта перед своим временем возникло следующее признание Пастернака «Я один, всё тонет в фарисействе. / Жизнь прожить — не поле перейти». И он переходил бытийное поле в одиночку, вооружившись библейской уверенностью в торжестве благодати. Причём поэта привлекала не просто евангельская тема, а «из-за веков отмеченное этой темой тепловое, цветное, органическое восприятие жизни». Его органика вступила в битву с неорганической утопией, с безбожием большевизма. Борис Пастернак скрыл свою персону под маску Юрия Живаго. Она представляла собой нечто среднее между Пастернаком, Блоком, Есениным и Маяковским. Жизнеописание Живаго, одинокого витязя ума, несёт в себе драматизм эволюции основ двухтысячелетнего христианства, как его понимают художники, которые глубже многих проникли в его ход и в живую суть. Но даже в царстве воинствующего атеизма Борис Пастернак не был одиночкой. Его письма содержат свидетельства одухотворённого искреннего общения с современниками. Но они не отважились вступить в битву с тьмой безбожия. Судьбоносную роль русского поэта быть смелым глашатаем Правды он доиграл до конца. Эта роль, названная «долей», делала его «пленником времени». Но одновременно роль-доля перерождала его душу, позволяла находить «себя во всеобщей собственности», поскольку неволя была «отовсюду пригретая теплом». Оно согревало от холода «извечной жестокости несчастной России: когда она дарит кому-нибудь любовь, избранность уже не спасается с глаз её». Борису Пастернаку было суждено попасть «перед ней на рим-

скую арену...». Любовь России сделала его гладиатором, обязанным её зрелищу. Мне пришлось увидеть нечто подобное в лице уникального мыслителя Павла Семёновича Гуревича, на которого в конце 80-х годов ополчился наглый антисемитизм. Из борьбы с последним он достойно вышел победителем.

Историческими зрелищами в мире были: толпа, проклиная Иисуса Христа, поднимающегося с Крестом на Голгофу; лицемерие римлянами боёв гладиаторов. В конце 50-х годов XX века отечественная история вписала в свои анналы позорные страницы атак советской интеллигенции против одного из своих представителей. Собрание писателей исключило из рядов писательской организации своего талантливейшего творца, который бросил достаточно корректный вызов всевластию утопической догматики. Злобное улюлюканье пресмыкающихся перед властью в адрес лауреата Нобелевской премии не должно забываться. Ибо оно сопровождало великий праведный подвиг писателя наднационального масштаба.

Жизненный трагизм Б.Л. Пастернака изоморфен трагизму нашей Родины. Его «Доктор Живаго» вынес смертельный приговор государственно-бюрократическому организму. Гению суждено было предложить родной стране выход: путь к евангельской человечности, Христовой любви и самопожертвованию. «Чудо самопожертвования» совершает и сам Б.Л. Пастернак, отдавая свою жизнь на алтарь плодотворной жизни. У нас нет оснований считать, что Борис Пастернак верил в личное бессмертие в том смысле, в котором виделся он Платону и Аристотелю. Поэт лишь считал, что разумная и нравственная личность причастна божественному началу, которое по сути своей бессмертно.

Находясь «почти у гроба», великий подвижник верил в приход новой поры, которая одолеет «силу подлости и злобы» во имя «духа добра». Веря в своё бессмертие, он решительно отрицал смерть, поскольку она требует новое, живое, свидетельствующее о жизни вечной. Ныне она обращается к россиянам с вопросом: «Сохранили ли они русскую душу?» Вопрос этот пришёл к нам из Соединённых Штатов, о чём рассказал Бжезинский⁶. Почитая русскую душевность А. Блока, С. Есенина, М. Волошина, А. Ахматовой, М. Цветаевой, мы, несомненно, сохраняем российский дух.

⁵ Деяния 6:2-4; От Луки 1:2; Откровение 19:13.

⁶ Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / Збигнев Бжезинский, Брент Скоукрофт; пер. с англ. М.: Астрель, 2012.

Постижение абсолютного начала культуры

Что сказать о Борисе Пастернаке, ограничив характеристику одним признаком? Главное его творческое качество — божественное, оно выражено любовью к Иисусу Христу. Это же качество заложено в основание и традиции культуры человечества. По убеждению Пастернака, в Христовой любви присутствует актуальность «текущей культуры». Самому же гению дано олицетворять «присутствие Бога в нашей жизни» (мысль Андрея Вознесенского). Данное присутствие предметно; оно ощущается через чувственное восприятие целостности Жизни. В Бытии живого заключено необъяснимое творение Мироздания. По словам Пастернака, Богочеловек значил всё в его судьбе: «Всю жизнь читал я твой завет». Ничто не мешает это делать каждому человеку, у которого встречная просьба: «Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси» (слова из «Гамлета»).

Сила гению давалась свыше. Смело отстаивая высказываемую правду, Пастернак знал, что её «надо искупить страданием». Большое страдание принёс автору роман «Доктор Живаго». В нём было счастье и несчастье, ибо «счастью нет пощады». В романе автор даёт, по его признанию, «исторический образ России», выражает взгляды на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории... «Атмосфера вещи — моё христианство...»

Торжествующее христианство в романе «Доктор Живаго» убедительно говорит «о присутствии Бога в нас» (слова Андрея Вознесенского). Безбожная власть КПСС, которая организовала травлю поэта-христианина, в бессильной злобе намеревалась выслать его из СССР, но получила в отместку мощный резонанс литературного явления, силу которому придаёт великая демократическая революция 1917 года (февраль, октябрь, ноябрь-декабрь). Именно в последние месяцы, когда проходили выборы в Учредительное Собрание, эта революция достигла своей вершины.

В наши дни мы имеем возможность приобщаться не только к евангельской теме в романе, но и почувствовать удивительное дыхание революции 1917 года. Поэты С. Есенин, А. Блок, А. Белый, Б. Пастернак почувствовали тогда таинственное присутствие Христа как новый поворот истории. По библейскому Закону зерна россияне умирали у себя в истории во время борьбы за преодоление смерти. Вместе с бессмертием народа обрела бессмертие мужественная филология Бориса Пастернака. Как же она нужна современной России для выхода из состояния аномии и гнетущего всеислия денег!

Интеграл «благовещизма» против «греховещизма»

На первый феномен обратил внимание Андрей Вознесенский во время посещения залов «Столетия Пастернака»⁷. На этой выставке было представлено множество пастернаковских вещей, сохраняемых домом-музеем в Переделкино; его вещи имеют, говоря словами В.С. Соловьёва «действительное и самостоятельное (физически или метафизически) существование»⁸.

В этом же смысле и духовную сущность можно определять по примеру Декарта как вещь мыслящую. Кант рассмотрел «вещь в себе» или «о себе». Современники советского периода, в ряду которых был и Б. Пастернак, могут, с одной стороны, противопоставлять коммунизм той реальности, которая существовала, но, с другой стороны, советизм обладал некоторыми чертами (равенство, солидарность) действительного бытия коммунизма. Оно не было воображаемым, мнимым или иллюзорным, поскольку сосуществовало со специфическими свойствами и чертами советского народа.

В творчестве Б. Пастернака содержатся вещи в двух понятиях — физическом и метафизическом, другими словами, в категориях физических тел и духовной субстанции. Поэт любил природный и вещный мир, мир материальной культуры. Он увидел «молодость в сотах», сравнимую с «расцветшей сиренью». Вслед за философом Константином Леонтьевым Пастернак предлагает философию расцветания многообразия вещей: лес и щипцы у часовщика, «даль табачного чувства», краски и палитры, земля оконниц, вечерний пламень.

Анна Ахматова назвала Б.Л. Пастернака «собеседником роц», который после смерти «...превратился в жизнь дающий колос / Или в тончайший, им воспетый дождь». «Навстречу» его смерти 30 мая 1960 года расцвели «все цветы, что только есть на свете». А. Ахматова ощутила наступившую на Земле тишину: «...сразу стало тихо на планете...» И сегодня можно воспринимать видения образа самого Б.Л. Пастернака с его «благовещизмом». Его опыт почтения нужных вещей воспроизводится в наше время.

С миром природы и физических вещей взаимодействуют у Пастернака миры нравственности и духовности. Они воспринимаются в категориях

⁷ Мир Пастернака. М.: Советский художник, 1989. С. 25–33.

⁸ Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов-на-Дону, 1997. С. 29.

блага, добра, красоты, совести, любви, веры, общения и др. В контексте интеграции поэту виделся «Близнец в тучах» (так назван сборник стихов 1914 г.), позже «Карусель» (1926) и «Зверинец» (1929). Воспринимаемые наяву картины производили впечатление «Воздушных путей» (сборник 1933 г.), «Земного простора» (стихи 1945 г.). Мир Пастернака можно охарактеризовать как душевно-духовную середину (медианность), которую он со всеми желал разделить.

Российская словесность пополнилась пастернаковскими проникновениями в сущность вещей; мыслителю удаётся дойти до самой сути. До человечности, раскрываемой в евангельских стихах. Поэтому метафоры «Гефсиманского сада» из романа «Доктор Живаго» вновь оживают во втором десятилетии XXI века: «Спор нельзя решать железом, / Вложи свой меч на место, человек». В 1990 году человечество отметило по решению ЮНЕСКО год Пастернака. Гений поэта-философа, интегратора гуманитарных образов и идей даёт людям надежду: «Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетия поплывут из темноты». Время нового столетия течёт навстречу пророческому суду поэта, навстречу воспетых им судеб и вещей. По примеру Андрея Вознесенского мы можем попытаться понять пастернаковскую весть и «голос Бога за ним».

Божественный и философский голоса дают филологии возможность рассматривать вещи ещё в одном смысле — в качестве предметов бездушных, страдательных и греховных. Их наблюдал Борис Пастернак в образе Юрия Живаго: это были несвободные лица и вещи, являющиеся собственностью кого-либо. Не оставляя в стороне этот антинравственный смысл вещей, следует напомнить об осуществлении и ленинского призыва «грабь награбленное», и ельцинского почина в виде варварской приватизации 90-х годов XX века. Под словом «греховещизм» должно разуть всё, что имеет хотя и деятельное, но бездуховное, бездушное значение греха или зла. Так радикальная реформа на поле собственности превратила народ из цели социально-экономического развития в средство узкоэгоистических стремлений новой буржуазии.

Термин «греховещизм», вводимый нами в филологию, относится ко всему, что получает от нас отрицательную оценку. Состояния олигархов и бесчестных чиновников порицаются нами как зло в силу обмана и безобразия. Не станем сейчас касаться вопроса о преобладании «греховещизма» или «добровещизма» в мире, чтобы не ввязаться

в бесконечный спор между пессимистами и оптимистами. Россияне, дойдя до грани «двух разных эпох истории», могут процитировать «Лейтенанта Шмидта»: «Напрасно в годы хаоса / Искать конца благого. / Одним карать и каяться, / Другим — кончать Голгофой».

Что могли сказать Сталин и Пастернак друг другу?

В мае 1934 состоялся телефонный разговор И.В. Сталина и Б.Л. Пастернака. Вождь сообщил о деле Мандельштама и упрекнул поэта в том, что тот не хлопотал о мастере, который был арестован. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. — «О чём?» — «О жизни и смерти», — ответил Пастернак. Сталин повесил трубку⁹.

В контексте противоположностей «жизнь и смерть» Пастернак предпринимал усилия понять, «что такое культура и искусство, если не вообще, то хотя бы в судьбе отдельного человека». Трагизм личности в отечественной истории был впечатляюще виден на примерах судеб российских писателей. По сей день обсуждаются версии истинных причин смерти С. Есенина и В. Маяковского. Пастернаку казалось, что «Маяковский застрелился из гордости, оттого, что он осудил что-то в себе или около себя, с чем не могло мириться его самолюбие...»¹⁰.

Советское правительство, изгоняя автора «красночного» романа за пределы России, ускорило потерю им здоровья и приход его физической смерти. Но и сама эта власть пережила Пастернака лишь на 33 года. Вопросы жизни и смерти не могли не волновать поэта, которому удалось подняться на высоту жизненного трагизма страны. И нам трудно во всей полноте представить его сердечное терзание по этому исходу.

Б.Л. Пастернак с великим достоинством прожил годы войн, лишений и преследований. Он приобрёл умение мужественно жить, «ничего не скапливая и не смущаясь потерям» (Е.Б. Пастернак). Собственная достойная жизнь позволила Б.Л. Пастернаку сказать: «Давно идут часы...» «Со мной сегодня вечность вся». Что же бессмертно? Его ответ содержит мысль о том, что бессмертно общение между людьми «и что жизнь символична, потому что она значительна». Подобно гению Шекспира,

⁹ Мир Пастернака. М.: Советский художник, 1989. С. 78.

¹⁰ Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 452.

гениальный избранник Бога Борис Пастернак имел кровно осязаемое право мерить всё на свете по своему, первично и ненавязчиво¹¹.

Знать и учитывать Закон зерна, обоснованный в Библии и почитаемый Пастернаком, исключительно важно для отдельного человека и общества. Напомню святые слова: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (от Иоанн, 12:24). Закон зерна знал Пастернак; вероятно, помнил его и Сталин. Они оба считали, что вообще «смерти нет», что последняя «не по нашей части». Перед их глазами «прежнее прошло» (признание Пастернака). В уверенности же Сталина бессмертия было в его предположении того, что «после моей смерти на мою могилу принесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её». Эти слова выделены на обложке научного коллективного труда¹².

Ради жизни и работы Б. Пастернак преодолевал боли, сопротивлялся им. Но к концу мая 1960 г. его одолела последняя болезнь, «...это стало невыносимо, невозможно...» Силы держаться в тяжелейших испытаниях беспощадного «рака» давала вера в бессмертие. Строки о нём подтверждают весть Всевышнего. Приняв её, Пастернак продолжал спор между жизнью и смертью, борьбу между ними.

Б.Л. Пастернак был связан с Россией рождением, жизнью, работой. 31.10.1958 г. он просит руководителя СССР Н.С. Хрущёва учесть то, что для него невозможен выезд из страны. «Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры»¹³.

Опасения Пастернака по поводу возвращения в СССР М. Цветаевой оправдались. «Общая трагедия семьи неизмеримо превзошла мои опасения». Потрясло душу Пастернака самоубийство в 1937 г. грузинского друга — поэта Паоло Яшвили. Другой его друг Тициан Табидзе был расстрелян по приговору «тройки» НКВД. Никак нельзя уйти от вопроса: «Причастен ли Сталин к смерти своих великих земляков?» Гуманист Пастернак не отступался от лица, чтобы «быть живым, живым и только, / Живым и только до конца». Но не довелось ему дожить до семидесяти лет, десятилетие земного существования «отняла»

у Б.Л. Пастернака безбожная власть. Относительно безбожия И.В. Сталина у меня серьёзные сомнения, вызванные услышанным из уст его дочери Светланы рассказом о резком отпоре в её адрес, позволившей себе негативно отозваться об Иисусе Христе. Богочеловека Сталин не переставал чтить и любить — это мнение С.И. Аллилуевой. Он мог значимо оценить Христа, напомнив из «Послесловья» в книге «Сестра моя — жизнь» утверждение: «Нет, не я вам печаль причинил. / Я не стоил забвения родины».

Плодотворность бытия

«Биологические часы» — это понятие из естествознания. Ход времени, по Пастернаку, стремится к синтезу и вселенскому единству. При этом «замечательно перерождаются понятия».

Удивительная страсть синтезировать проявилась у Пастернака во всём: в поэзии, музыке, живописи. Чувство «пластичности» увело его от футуристической живописи 10-х годов XX в. Стремление к синтезу означает революционный шаг в филологии. Он позволил вытянуть «нить судеб, событий»; органически объединить в себе еврейство и русскость. Это сочетание через многие годы критично оценила английская пресса. Полемика о Борисе Пастернаке была инициирована литературной газетой¹⁴. Она опубликовала статью о том, что Б. Пастернак предал своё еврейство. Русский писатель посмертно лишился права на свободу отторжения инстинкта крови, религии, этноса. У него отнималось право на целостность творческой индивидуальности. Отставив последнюю, Пастернак совершает подвижничество, доказывает правоту Христовой мысли, которая отрицает любой этнический эгоизм, включая эллинский или иудейский.

Жизненный подвиг Пастернака не был единственным. Ему хотелось идти к людям, в толпу, и он был «готов разнести в щепу / И всех поставить на колени» («Рассвет»). Первый подвиг был совершён в 30-е годы, во второй период своего творчества, когда поэт мучительно переходит от раздумий принять или не принять коллективистскую новь. В 20-е годы он «отказывал советской власти в пластическом господстве над жизнью и искусством, которое говорило бы мною без моего ведома и воли и даже ей наперекор»¹⁵. Спустя годы эта проблема решает-

¹¹ Там же. С. 276.

¹² Сталин и современность. М.: Красанд, 2010.

¹³ Мир Пастернака. М.: Советский художник, 1989. С. 97.

¹⁴ Times Literary Supplement, 9–18 февраля 1990 г.

¹⁵ Цит. по: Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М., 2011. С. 17.

ся уже в пользу принятия социалистической нови. Выбор был смелым и правильным, хотя и весьма трудным, поскольку нельзя было соглашаться с осуществляемым коммунистами радикальным отказом от индивидуализма и ущемлением свободы творческой индивидуальности. В жестокой обстановке диктатуры идеологии пастернаковский компромисс был тождественен подвигу.

Второй подвиг был совершён перед лицом правоверного еврейства, он означал решительное принятие христианского тезиса о том, что есть прежде всего человек, личность без первенства быть эллином или евреем. В ответ на мужественное национальное самоопределение Пастернака заклеили за то, что он «очень плохой еврей» и даже антисемит.

Третий подвиг Б.Л. Пастернака заключается в пересмотре взгляда на большевистскую святыню о Великом Октябре. «Святыня» была не святыней, а мифом в идеологии и, как впоследствии оказалось, мощным взрывным устройством. Оно сработало в 1991 году и погубило Советский Союз. Вместе с бессмертным Борисом Пастернаком находятся «люди без имён, / Деревья, дети, домоседы. / Я ими всеми побеждён. / И только в том моя победа» («Рассвет»). Если позволительно будет дополнить это суждение о «победе», то к нему надо присовокупить пастернаковский вывод о чертах новизны и оригинальности российской революции¹⁶. Она несёт с собою «чувство жизни», «вечность всю» и истину: «Жизнь и бессмертие — одно».

Преодоленные Пастернаком очень серьёзные трудности заключались в том, что он был сам собой — ни евреем, ни русским в отдельности, а великой героической личностью русского еврея. И за это пришлось заплатить страданиями. Но он решил нелёгкую задачу пророческого творчества¹⁷. Это «есть чудо, и чудо есть Бог». Борис Пастернак исполнял совет своего отца — следовать за мировой гармонией и соглашаться с Богом. Будучи философом, он не отказался при этом от признания противоречия в гармонии, более того, у нас есть основание предположить, что Б. Пастернак раздумывал над следующей гипотезой: гармония — не есть отсутствие противоречий, напротив, она превращает их в движущую силу, «во имя страшного... величия» жизни... И по-

добно Христу, Борис Пастернак «в добровольных муках в гроб» сошёл. К нему на суд, как баржа каравана, приплыло из темноты его первое столетие.

Двадцать столетий прошло со времени посещения нашей земли св. ап. Андреем Первозванным, более десяти столетий — с года Крещения Руси. Практика русско-российской победоносности привлекала внимание Б.Л. Пастернака. Он ощущал «осязательное единство нашей культуры» не только от встреч с итальянским искусством, но и с культурами других народов. Ему сказало также несоответствие как «тысячелетняя особенность нашей культуры»¹⁸. Богатой была также отечественная история «еврейского вопроса». Пастернак раньше А.И. Солженицына разглядел «для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений»¹⁹. Один из путей назван советским, его открыло правительство, в котором 80 процентов народных комиссаров были евреями. Русские, евреи и другие этносы начали создавать, говоря словами Б. Пастернака, мир «ранее неведомых целей и стремлений, задач и подвигов, новой сдержанности, новой строгости и новых испытаний, которые ставил этот мир человеческой личности, чести и гордости, трудолюбию и выносливости человека»²⁰.

Это утверждение страдальца в отечественной истории можно принять за абсолютную истину. Теперь, когда мир реального социализма «отступил в даль воспоминаний», историческая филология может вновь говорить словами Пастернака: существовал «единственный и подобия не имеющий мир, и высится на горизонте, как горы, видимые с поля...» Этот мир становится синонимом плодотворности бытия?

Можно ли стать божеством?

Борис Пастернак не дожил до XXI века, когда стал активно дебатироваться вопрос о дополнительности науки и религии. Но он занял твёрдую позитивную позицию, стремящуюся к их союзу, а не к альтернативе «наука или религия». Существуют не только теисты и атеисты, но и группы неопределившихся, с «дремлющей верой» (их можно

¹⁶ Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 376.

¹⁷ Мюллер Людольф. Понять Россию: историко-культурные исследования / Пер. с нем. М., 2000. С. 381.

¹⁸ Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 251.

¹⁹ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001. С. 7.

²⁰ Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 468.

назвать словом «интенцы»). Борис Пастернак, не смешивая веру с наукой, совмещал их в себе самом. Его позиция предлагает говорить сегодня о необходимости синтеза науки, религии и искусства. Ибо за их сближением скрыта Высшая власть, которая устанавливает порядок в мире и «вечную жизнь». Последняя является синонимом нового. Под вечно новым он понимал Христа. «Усильем Воскресения» можно побороть смерть. И подобно воспетой им Магдалине, поэт с Христом «как с деревом побег», сросся «в своей тоске безмерной». Поэту виделись плоты, которые «сплавляют по реке», и образ Христа, к которому «на суд, как баржи каравана, из темноты плывут столетья». В Богочеловеке более всего превозносилось Пастернаком самопожертвование. Именно в нём, в этой высшей из всех святых, состоит самый глубокий смысл жизни. Любовь и чудо самопожертвования, воплощённые в образе Христа, присущи и Борису Пастернаку. И как советский человек, он — «Победитель»: «Как он велик! Какой бессмертный жребий! / Как входит в цепь легенд его звено! / Всё, что возможно на земле и небе, / Им вынесено и совершено».

Интегральное миропонимание Б.Л. Пастернака, которое устремлено к Абсолюту, не может не удивлять нас, побуждая наше философствование. Но удастся ли нам тесно связать между собой вопросы о цели и смысле жизни с практикой «человек человеку — волк»? Размышляя глубоко, исторично и философски, Б. Пастернак рассматривал отдельное событие, вещь, эпоху в связи с общей историей живого христианства. Она представляет собой «неравномерные жизненные ряды», куда входят и «нетворческие части существования». Догадываясь о существовании «биологических часов», можно приобщаться к целому. Оно, подобно саду, требует своего возделывания. Пастернака привлекает свой сад поэзии, где можно разбивать стихи. Нечто подобное делал художник Андрей Рублёв, знаменитая «Троица» которого являет собой образ глобального единства во имя искомой любви.

Именно пастернаковская цельность и интегративность есть подобие божественного целого. Они должны быть востребованы в наше время, ибо современность интенсивно обновляет чувство единения судьбы человечества, а в поэзии видны не только «слёзы вселенной в лопатках», но и «Ан вселенная — место глухое» («Заняты философией»). Мироздание, по Пастернаку, «И сады, и пруды, и ограды», которые в единстве с разрядами страсти, «Человеческим сердцем накопленной». Взгляд на

«всё, что есть на самом деле» видит символ «правдивой жизни в чёрном теле» («Алексею Кручёных»).

Борис Пастернак смог стать богом правды, любви и самопожертвования. Но не многим людям даётся возможность стать божеством. Хотя и для поэтического гиганта, и для всех людей вселенские часы показывают «Сомкнутые веки. Выси. Облака. Воды. Броды. Реки. Годы и века». Вера в существование благих вещей — это путь к бессмертию? Ответ Пастернака — утвердительный, поскольку возможны разные формы религиозности и наличие сверхъестественных сил. Отрицая конечность собственного существования, можно надеяться на перспективу душевно-духовного бессмертия. Творчество Б.Л. Пастернака уже существует в электронном виде, хотя этого не скажешь о «биологических часах».

В процессе создания образа Юрия Живаго перед автором романа представало нечто среднее между ним и такими современниками, как Блок, Есенин и Маяковский. Всем им судьба даровала то же бессмертие, которое присуще главному лицу Евангелия. Заменяя слово «прощай» на слово «здравствуй», Пастернак видит «И образ мира, в слове явленный, / И творчество, и чудотворство» («Август»). Видимо, в этих картинах символично проступает срединная страна Россия. В начале XX века она была названа Д.И. Менделеевым «срединным царством»²¹. На актуальности российской медианной идеи я акцентирую внимание многократно, но она никак не становится жизненной потребностью — мистической, научной, философской и практической — в мировоззрении россиян. Жизненная установка на срединную российскую идею определяла мировоззрение Б.Л. Пастернака. Он понимал, что чувствовал и во что верил, он точно отвечал также на вопрос: «Что я буду и должен делать?»

Борис Пастернак — революционер?

Во многих своих строках Пастернак упомянул «революцию», будто предвидя, что он не должен быть похож на коллективный портрет Государственной Думы РФ, которая опрометчиво исключила из праздничного обихода революционный феномен. Да, в отдельности «Великой Октябрьской социалистической революции» не было; такое сочетание придумано большевистской амбициозностью. И всё же «Октябрь» был, найдя себе место

²¹ Менделеев Д.И. К познанию России. СПб., 1907; М.: Айрис Пресс, 2002. С. 216.

между величием Февральской революции 1917 г. и громадностью такой революционной вершины, как невиданный ещё в мире демократизм выборов Учредительного собрания. Соблюдая строгую историчность и последовательность, Б.Л. Пастернак осуществлял анализ ситуации в контексте целостности революции (из заключения к его биографическому очерку).

Здесь уместно напомнить послесловие к «Охранной грамоте» (обращённое к Рильке). Автор рассказал о «вечно первых днях всех революций». Каждая выбегала из «законной истории», противопоставляя «всю себя, с головы до ног незаконную...» Пастернак желал дать возможность читателю «узнать о революции самого небывалого и неуловимого» события²². Такое нормальное желание отсутствует у теперешних власть имеющих: им не та революция противна, просто желанной для них стала контрреволюция 90-х годов XX века. Она породила 4.10.1993 г. в горящем Белом доме текущую политическую систему. Трагический момент рождения плутократической власти праздновать, разумеется, неприлично. Приличным же будет извлечь основные уроки «проклятого октября» 1993 года. Они касаются генеральной проблемы обустройства России и отношения её к своей величайшей революции.

Сто лет назад Германия, по словам Б. Пастернака, пошла на изготовление «кривого зеркала, которое исказило» бы черты русской истории «гримасой ненависти и непонимания»²³. Двадцать лет назад «новые русские» изготовили точно такое же «зеркало».

В 90-х годах XX века достоинство страны принесли в жертву производной роли сырьевого придатка к «золотому миллиарду». Приводя пастернаковскую лексику, можно сказать, что в современной России отсутствует «дух широты и всечеловечности», питающий понимание предназначения России. Но российская революция, по Пастернаку, есть «явление нравственно-национальное»²⁴. Оно было выявлено гениальностью русской классики, впервые не только А.И. Радищевым, но и юношей М. Лермонтовым (См.: его «Предсказание» в 1830 г.). Революционный дух сказался воочию и в восстании декабристов, и в

протестантизме Льва Толстого. Революционер лейтенант Шмидт обрёл бессмертие в именном стихотворении Пастернака. Деятели русской революции были в его сознании героями, поскольку они олицетворяли собой главное революционное событие Двадцатого столетия. Оно имело свои нравственно-духовные основы и было Ответом на Вызов ограничения, накладываемого на жизнь. Революция, начавшись в 1904 г. в виде «банкетных выступлений» имела продолжение в восстаниях против вещей, попирающих достоинство и красоту человека. От великих революционных событий не отделял себя Пастернак, которого можно считать великим революционером духовного преображения России.

Прискорбно, но антигуманные вещи вновь переполнили современную жизнь. Борис Пастернак мог бы вновь увидеть революционное преддверье в качестве упомянутого им возмездия обществу за извращение способности любить, восхищаться замыслом Божьим, самостоятельно и плодотворно участвовать в его осуществлении. О высшем замысле нам напоминает поэтика Б.Л. Пастернака, в которой присутствует самое главное — «характеристика реальности как таковой», «как звена и составной части духовного мира, которые вечно сопутствуют жизни и окружают её»²⁵.

Жизненный мир Б. Пастернака воплощает в себе плодотворность интегрального подхода к жизни. Он хотел и действительно дошёл во всём «до самой сути. /В работе, в поисках пути, /В сердечной смуте». Мыслитель достигал «сущности протекших дней», «их причин», «оснований», «корней», «сердцевины». В произведениях Б.Л. Пастернака схватывалась «нить судеб, событий», время «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытия». К этому прибавлялось желание раскрыть «свойства страсти», «игру и муку». С интегралами солидарности лучше всего достигается плодотворность жизни. Стремясь к социальным переменам, Пастернак не мог не стать провозвестником нравственной революции и рехристианизации российского общества. Годы существования проатеистического режима в СССР показали его несовместимость с русско-русской матрицей. Воображаемый «Доктор Живаго» был её защитником, а автор романа стал смело продвигать задачу рехристианизации страны. В начале 70-х годов мне посчастливилось вести диалог с Алексеем Михайловичем Ридигером, которому

²² Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982. С. 481.

²³ Там же. С. 376.

²⁴ Там же.

²⁵ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго, роман. Повести. Фрагменты прозы. М., 1989. С. 701.

в сане Патриарха Всея Руси Алексия II предстояло осуществить «Второе крещение России». Ныне оно успешно осуществляется РПЦ во главе с Патриархом Кириллом. Здесь достаточно вспомнить Б.Л. Пастернака как посланника Провидения возвестить человечество о грядущем торжестве в России христианской идеи Преображения, которую нельзя понять без того, что было для Бориса Пастернака «больше всего», а именно «нравственный смысл» революции, её Христову человечность²⁶.

В 1930 году провозвестник нового умирания зерна и его всхода заявил: «Так пошлость свёртывает в творог /Седые сливки бытия...»²⁷. «В неземной новизне» эпохи «Революция, вся ты, как есть»²⁸. Революционность жива стремлением к плодотворному бытию. Спрашивается: достижимо ли оно в обществе, где «человек человеку — волк»? *Ответ в гипотезе*: не идеология, а классическая филология должна стать ведущей нитью страны, которую желает поэт: «...дайте родину мою!».

Список литературы:

1. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / Збигнев Бжезинский, Brent Скоукрофт; пер. с англ. М.: Астрель, 2012.
2. Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М., 2011.
3. Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис Пресс, 2002.
4. Мир Пастернака. М.: Советский художник, 1989.
5. Мюллер Людольф. Понять Россию: историко-культурные исследования / Пер. с нем. М., 2000.
6. Пастернак Борис. Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982.
7. Пастернак Борис. Доктор Живаго. Роман. Повести. Фрагменты прозы. М.: Советский писатель, 1989.
8. Пастернак Борис. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. Т. 1. Ленинград, 1990.
9. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001.
10. Сталин и современность. М.: Красанд, 2010.
11. Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов-на-Дону, 1997.
12. Times Literary Supplement, 9–18 февраля 1990 г.

References (transliteration):

1. Amerika i mir. Besedy o budushchem amerikanskoi vneshnei politiki / Zbignev Bzhezinskii, Brent Skoukroft; per. s angl. M.: Astrel', 2012.
2. Zholkovskii A.K. Poetika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty. M., 2011.
3. Mendeleev D.I. K poznaniyu Rossii. M.: Airis Press, 2002.
4. Mir Pasternaka. M.: Sovetskii khudozhnik, 1989.
5. Myuller Lyudol'f. Ponyat' Rossiyu: istoriko-kul'turnye issledovaniya / Per. s nem. M., 2000.
6. Pasternak Boris. Vozdushnye puti. Proza raznykh let. M., 1982.
7. Pasternak Boris. Doktor Zhivago. Roman. Povesti. Fragmenty prozy. M.: Sovetskii pisatel', 1989.
8. Pasternak Boris. Stikhotvoreniya i poemy: v 2-kh t. T. 1. Leningrad, 1990.
9. Solzhenitsyn A.I. Dvesti let vmeste (1795–1995). Ch. I. M., 2001.
10. Stalin i sovremennost'. M.: Krasand, 2010.
11. Filosofskii slovar' Vladimira Solov'eva. Rostov-na-Donu, 1997.
12. Times Literary Supplement, 9–18 fevralya 1990 g.

²⁶ Пастернак Борис. Стихотворения и поэмы в двух томах. Т. 1. Ленинград. 1990. С. 36.

²⁷ Там же. С. 353.

²⁸ Там же. С. 247.